

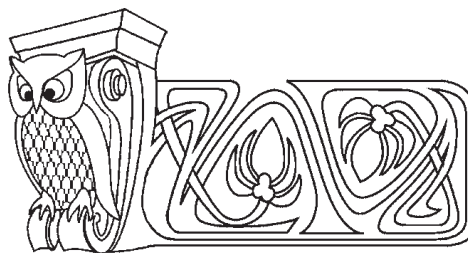

УДК 94(47+57):327(47+57)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АГЕНТА Н.В. ЧАРЫКОВА В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

О.А. Чернов

Самарский государственный педагогический университет,
кафедра отечественной истории и археологии
E-mail: Chernov@list.ru

Данная статья посвящена деятельности российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате. Рассмотрены такие аспекты его деятельности, как содействие геополитическим и экономическим интересам Российской империи в противовес Великобритании; участие в разработке проекта строительства железной дороги и почтового тракта; гуманитарные акты – закрытие зиндана, отмена рабства, введение «сухого» закона и др.

This Activiti Russian Politic Agent N.V. Tcharykow in the Bokhara Emirate

О.А.Тchernov

This article is about Russian political agent activity N. V. Tcharykow in Bokhara Emirate. We have considered the question in following aspects: Tcharykow's assistance to geopolitical and economic interests of Russian empire in opposite to Great Britain, Tcharykow's taking part in railway and post road building and in humane activities like zindane closing, abolition of slavery, «dry law» introducing and others.

Службу в 80-е гг. XIX в. Н.В. Чарыков посвятил Средней Азии. Несмотря на сравнительную молодость, он имел уже достаточно разработанную и обоснованную концепцию российской политики в этом регионе. Чарыков исходил из тезиса о движении России к своим естественным границам, отвергая мнение об агрессивной, завоевательной политике России вообще и в Средней Азии, в частности. По мнению Чарыкова, Россию толкнула по направлению к Азии неудача по итогам Берлинского конгресса и враждебная по отношению к России изоляционистская политика европейских держав. Он считал, что Россия выполняла в Средней Азии цивилизаторскую роль, проводила политику «мира и достатка». ¹ В этих своих прогрессивных начинаниях. Россия столкнулась с враждебным противодействием Великобритании. Англичане в действиях российского правительства увидели угрозу для «жемчужины Британской короны» – Индии. Однако здесь, по мнению Чарыкова, «британский лев» имел позиции куда более слабые по сравнению с позицией «русского медведя». ²

Первый период службы в Средней Азии Н.В. Чарыкова пришелся на решение мервского вопроса ³. Н.В. Чарыков начал свою службу в Бухаре с переговоров по проблеме постройки За-

каспийской железной дороги с бухарским эмиром. Как докладывал императору Александру III министр иностранных дел Н. К. Гирс: «Переговоры по этому вопросу были возложены на Чарыкова». ⁴ Из доклада политического агента в Бухаре выясняется, что он начал переговоры с указания на непосредственное значение которое имеет для него (бухарского эмира. – О.Ч.) и для его страны желание установить с ним предварительное дружественное соглашение «относительно железнодорожного дела». Чарыков подчеркнул, что русское правительство заботится о сохранении в Бухаре положения status quo «что, заботясь о своих среднеазиатских окраинах, Русское правительство «в равной мере обеспечивает интересы Бухары: для обеих соседних местностей одинаково ценны и желательны утверждение мира и безопасности, развитие торговли и промыслов и улучшение путей сообщения». ⁵ Николай Валерьевич упомянул о торговых выгодах, представив эмиру картину обеспечения хорошо оплачиваемой работой местных жителей. Не возникло никаких проблем с маршрутом, хотя Чарыков, ловко мотивируя нежеланием русского правительства каких-либо жертв несчастного случая на железной дороге, настоял на том, чтобы дорога не проходила через саму Бухару. Ибо, по мнению дипломата, в последнем случае могли возникнуть трения с «фанатичными магометанами» и слишком дорога была цена земли в черте города. Более того, по своей личной инициативе он добился безвозмездного отчуждения неорошаемых земель под железную дорогу, а также местных строительных материалов ⁶. Николай Валерьевич проанализировал возможное отношение «классов Бухарского населения» к вероятности постройки тут железной дороги. «Классы эти суть: служилые люди, сельские жители, торговцы и духовные». ⁷ Как выясняется, все «классы» извлекают из постройки железной дороги выгоду, в том числе и духовные лица, для которых в связи с этим облегчается возможность совершения хаджа в Мекку. Однако Н. В. Чарыков предостерегает о возможности усиления здесь воинствующего исламизма. «До настоящего времени мусульмане Бухары и Туркестана, отделенные от внешнего мира труднопроходимыми песками, «признавали ... в принципе духовное главенство Халифа – Турецкого Султана», но с постройкой

железной дороги может возникнуть фактическое сближение. «Если при этом вспомнить, что Европа, Азия и Африка переживают ныне эпоху мусульманского брожения, вызванного стремлением к возрождению и объединению, то последствия приобщения к движению этому наших Среднеазиатских мусульман не могут не вызвать на серьезные размышления».⁸ Он рекомендует генерал-губернатору Туркестана Н.О. Розенбаху позаботиться о введении необходимых ограничительных мер.

Насколько важным представлялось Чарыкову строительство здесь железной дороги, доказывают его слова, что «один из величайших дней моей жизни был тот, когда первый поезд пришёл из Мерва на будущую станцию Чарджуй».⁹ Небезынтересно будет заметить, что Чарыков при разработке данного проекта тесно сотрудничал со знаменитым впоследствии учёным С.П. Семёновым-Тян-Шанским¹⁰.

Таким образом, вопрос о железной дороге был решён успешно. Для России эта дорога имела значение прежде всего военно-стратегическое. В случае возникновения здесь или на самой границе волнений сюда можно было оперативно перебросить войска.

Серьёзной проблемой, которую представилось решить Н. В. Чарыкову, было рабство. По ранее заключенному с русским правительством договору запрещалось рабство и работорговля, расформировывались невольничьи рынки. Однако нелегальная работорговля продолжалась, это и предстояло пресечь Н. В. Чарыкову¹¹. Как выяснил российский дипломат, рабы по своему этническому составу были почти исключительно персияне, но были и туркмены, эрсаринцы, мервцы и текинцы.

Как только в Бухаре открылось Русское политическое агентство и сюда в качестве политического агента прибыл Н. В. Чарыков, к нему посыпались ходатайства рабов об освобождении. Все они мотивировали свои ходатайства вышеупомянутым договором о прекращении работорговли и отмене рабства. Как докладывал русский политический агент: «я держался одного и того же порядка: требовать немедленного освобождения просителя, а в сомнительных случаях доставления раба ко мне для личного допроса, затем оказывал возможное содействие к проезду освобожденных в Хорасан»¹². Русский дипломат выявил три разряда рабов: «1) служащие в войсках (в числе сарбазов), 2) занимавшие различные государственные должности, 3) находившиеся в личном услужении у частных лиц. Последний разряд был наиболее многочисленный и наиболее заслуживал сожаления»¹³. При этом Чарыков замечает, что «рабство в Бухаре, основанное на мусульманском законе, было гораздо человечнее, чем рабство негров в Америке»¹⁴. Отдельные рабы добивались высокого положения, так современный Чарыкову бухарский первый министр происходил из рабов.

Если третья категория рабов освобождалась безусловно, а вторая обусловлено, так как они распорядились государственными деньгами и знали государственные секреты, то первая категория по просьбе эмира не освобождалась. Они получали, как решил Н. В. Чарыков, личную свободу, но не освобождались от воинской службы. Ибо число сарбазов – бывших рабов составляли 1/10 часть бухарского войска, и эмир не хотел эту часть терять. Чарыков заявил, что будет содействовать выезду только тех сарбазов, начальники которых дали на это согласие. В этом решении Н. В. Чарыков преследовал две цели: во-первых, не обострялись отношения с бухарским эмиром, а во-вторых, как он докладывал в министерство, «сарбазы из бывших рабов, конечно, будут недовольны обязанностью продолжать службу. Это обстоятельство не уменьшает в мирное время значение их как внутренней полицейской силы, но в случае какого-либо столкновения с Русскими присутствие в рядах Бухарского войска значительной части недовольных не может усилить боевых качеств войска этого»¹⁵.

Таким образом, мы видим, что Н. В. Чарыков при решении проблемы отмены рабства добивается выгодного для России решения не только без охлаждения отношений с бухарским ханом, но и, напротив, добивается еще большего к себе расположения, не поступившись российскими интересами ни на вершок.

Н.В. Матвеева отрицает то, что Чарыкову удалось освободить рабов¹⁶. Видимо, это мнение как раз и основывается на условностях достигнутого Чарыковым соглашения.

Не менее успешно решил он и другую животрепещущую проблему. Это была проблема зиндана, закрытия которого добивался русский дипломат. Н. В. Чарыков собрал ужасающие своей средневековой жестокостью сведения об этом зиндане. Назывался он «Аб-хана», сам перевод которого повергает в ужас – «помещение с водой», это «подземное помещение глубиною в семь сажень, дно которого образует круг четырнадцать аршин в поперечнике, стены выложены кирпичом, а верх сводчатый с одним круглым отверстием в аршин посередине. Через это отверстие в зиндан проникает свет и заключенных спускали и поднимали на веревках. Пол сделан из кирпичного лома. Очень сыро и тесно»¹⁷. Очень плохое питание, ибо заключенные были обязаны днем собирать милостыню, стоя в цепях, под караулом у ворот, часто умирали от сырости и голода. Н.В. Чарыков добился перевода заключённых в обычную тюрьму, тем самым на практике подтверждая свой тезис о прогрессивной и цивилизаторской политике России в Средней Азии.

В декабре 1884 г. Чарыков подверг анализу систему местных путей сообщений. По его мнению, пути сообщения в пределах Бухарского ханства имеют двоякое значение: «...для интересов торговых сношений самого Бухарского ханства

с центральной Россией и для сношений Туркестанского края, через Амударью и Туркмению, с Империей и с Закаспийским краем»¹⁸. Он заметил, что русско-бухарские отношения в части торговли «происходят... по прямому караванному, вьючному пути из г. Бухары на Казалинск и Оренбург». Причём в Россию «следуют... товары, которые могут быть перевозимы по почте, именно шёлк и мерлушка».¹⁹ К тому же всё это поступало в ограниченном количестве, так как почтовый тракт обрывался в 160 верстах от столицы ханства. Для улучшения нынешнего состояния Чарыков полагал необходимым вырыть дополнительные колодцы и добиться «...упорядочения отношений киргизов-возчиков к товароотправителям». В последнем обстоятельстве дипломат видел одну из самых насущных проблем русско-бухарской торговли²⁰. Используя всевозможные источники информации (статистических отчётов бухарское правительство не давало, тем более иностранцам), российский дипломатический чиновник установил, что «ввоз русских товаров в Бухару, безусловно, преобладает над ввозом товаров английских»²¹. Объяснение данному факту он находил в следующих причинах: 1) русские товары были хорошего качества и дешевле английских; 2) доставка английских товаров была затруднительнее доставки товаров русских. Кроме того, это было ещё последствием грамотной тарифной политики российского правительства. Чарыков установил, что наибольшим спросом в Бухаре пользовались следующие виды российских товаров: мануфактурные произведения, кожаный товар, медные, чугунные, железные и стальные изделия, сахар, свечи, сундуки, парча, шёлковые изделия²².

Что же касалось бухарского вывоза в Россию, то, по мнению Чарыкова, у правительства Бухары не имелось на этот счёт точных сведений вовсе, так как оно не взимало вывозной пошлины. Подробные данные о характере и объёме вывоза из Бухары в Россию Николай Валерьевич получил от представителя в Бухаре Российского общества транспортирования кладей. Он установил, что «современный годовой оборот вывоза из Бухары в Россию представляется приблизительно: в количестве около 950 тыс. пудов, на сумму около 15228 тыс. пудов»²³.

Причём для России выгода была многократная. Ввиду отсутствия в Бухаре финансовых учреждений и промышленных предприятий, деньги, полученные от продажи бухарских товаров, тратились на покупку российских товаров. Таким образом, «все меры, клонящиеся к облегчению и развитию вывоза из Бухарского ханства, служат вместе с тем и к распространению сбыта русских товаров на этом среднеазиатском рынке и что относительное материальное благосостояние туземного населения и производительные силы страны чают основание ожидать от развития торговли с Бухарой полезных для Русской про-

мышленности результатов, даже при сохранении в Бухаре существующего ныне политического строя»²⁴, – констатировал Н.В. Чарыков. Однако он полагал возможным и необходимым улучшение условий для такого товарооборота.

По мнению российского дипломата, возможность такого улучшения стала реальной после «умиротворения туркменской степи». В связи с этим Чарыков полагал насущной постановку вопроса о «сквозном» российском пути через бухарские владения из Туркестана в Центральную Россию и Закаспийскую область. Он считал, что данный вопрос был поставлен на очередь «историческим ходом расширения русского владычества на восточном побережье Каспийского моря»²⁵. Причём решение его настолько созрело, что «для желаемого его решения достаточно воспользоваться имеющимися указаниями относительно местных, торговых и географических условий и существующим политическим положением Бухарского ханства»²⁶. Для такого «сквозного» пути требовались, по мнению Чарыкова, два условия: 1) путь должен быть по возможности кратчайшим между Туркестанским краем и Амударьей; 2) выходить на Амударью в наиболее удобном для устройства пристани месте²⁷. Он заметил, что «таких пунктов по берегам Амударьи не много». Разобрав наиболее реальные варианты, Чарыков предложил в качестве оптимального «...направление... из Туркестана к Амударье: от Самарканда, через Катта-Курган, вдоль долины р. Зеравшана до г. Бухары через г. Каракуль к берегу Амударьи при урочище Густых». В пользу такого пути, по мнению дипломата, говорили три фактора: большая, по сравнению с другими вариантами, водная часть пути, возможность открытия здесь же почтового тракта и, как следствие такого сочетания, удешевление затрат, доступность для колесного транспорта (за небольшим исключением в виде двадцатичетырёх верст пустыни)²⁸.

Почтовый тракт, существовавший на части данного пути, он предложил продолжить дальше и открыть в Бухаре «приём и отправление почтовой корреспонденции на общих основаниях почтовой службы», а вышеупомянутый двадцатичетырёхверстный участок песков «разработать для колёсного движения». Он заметил, что почтовая связь на данном направлении не будет особенным новшеством, так как уже достаточно долга здесь существовала частная почта. Однако частная почта, по мнению Н.В. Чарыкова, «не допускает... дальнейшего развития... сношений, вследствие сравнительно высокой платы, по необходимости взимаемой с корреспонденции, пересылаемой таким образом и... по причине отсутствия перевозки проезжающих»²⁹.

По его сведениям, ни эмир, ни «торговый класс» Бухары, ни всё население в целом не питают относительно к открытию русского сквозного пути «никаких враждебных замыслов», а потому

для осуществления данного проекта сложилась благоприятная обстановка.

«Открытие правильного почтового сообщения до г. Бухары сверх непосредственной пользы для русской торговли послужило бы прочным основанием для русского сквозного пути к Амударье и, являясь вслед за открытием телеграфной линии, сделалось бы полезнейшим средством постепенного и мирного сближения бухарских владений с Россией и упрочения в ханстве русского политического влияния»³⁰, – заключил он.

К числу наиболее щекотливых относился вопрос о наследнике эмира. Дело в том, что бухарские обычаи не предполагали назначения в качестве официального наследника одного из сыновей, коих у правящего эмира Музаффар-эддина было несколько. Между тем, российское правительство, вполне естественно, хотело избежать здесь всяких волнений, связанных с вероятной, между сыновьями, борьбой за власть. Первым шагом в этом направлении стало приглашение к императору Александру III младшего сына Музаффар-эддина – прорусски настроенного Сеид Абдул-Ахада. Император принял последнего как официального наследника, хотя и без каких-либо официальных деклараций. Теперь же Чарыков инкогнито посетил Сеид Абдул-Ахада и конфиденциально сообщил ему о намерении императорского правительства «поддержать его кандидатуру на трон его отца в случае смерти»³¹. Разговоры на подобную тему при живом эмире сулили смерть наследнику и самому Чарыкову. К счастью, этого не случилось и уже вскоре Н.В. Чарыков – российский политический агент в Бухаре способствовал возведению Сеид Абдул-Ахада на бухарский престол. Он принял самое деятельное участие в подавлении мятежа Абдул-Мелика-старшего сына Сеид Музаффар-эддина, желавшего разделить ханство. Чарыков видел за спиной мятежного принца руку англичан³².

Российский политический агент использовал любую, самую малейшую возможность к упрочению русского влияния в Бухаре. Так, во время одной из аудиенций у эмира он, используя данные астрономии, предсказал последнему точное время затмения Луны – светила особенно почитаемого мусульманами. Эмир Бухары, коим тогда был ещё Музаффар-эддин, высказал крайний скептицизм по поводу данного прогноза. Тем больший эффект произвело на эмира всё же случившееся в указанное Чарыковым время затмение. Сам Чарыков впоследствии писал, что его предсказание «помогло росту престижа России и моему личному влиянию...»³³.

Известны также факты помощи со стороны Н.В. Чарыкова русским докторам, которые в тяжёлых условиях пытались здесь облегчить участь больных со страшным диагнозом – проказа. Российский политический агент добился от бухарского правительства полного содействия русским докторам. Принял он и необходимое со

своей стороны участие в подавлении эпидемии дифтерии³⁴.

Чарыков был инициатором введения в Бухаре «сухого» закона. Дело в том, что со строительством железных дорог в Бухаре появились рестораны и бары на всех железнодорожных станциях, что было принято в России. Однако отрицательным явлением, сопутствующим их открытию, стало пьянство местного населения. Чарыков – убеждённый сторонник расширения российской железнодорожной сети в Бухаре, выступил вместе с тем против негативных последствий для местного населения. Он предложил проект закона, запрещающий изготовление и продажу всех видов дурмящих напитков на территории Бухарского ханства, а также продажу такого вида товара на железнодорожных станциях. Проект, по мнению Чарыкова, имел весьма серьёзное последствие. В.Н. Кокковцов, впоследствии ставший премьер-министром, доложил данный проект министру финансов И.А. Вышнеградскому. Тот заявил, что такой закон в России никогда не будет осуществлённым. Сам Чарыков же доказывает свою правоту – в 1917 г. такой закон был принят³⁵.

С железнодорожным строительством была напрямую связана и другая проблема – так называемый «угольный вопрос». Речь шла о вывозе древесного угля из Самаркандской области в Бухару. Чарыков докладывал, что «при существующих условиях быта... населения, древесный уголь является... предметом первой необходимости, наравне с огнём и водой. На углях они варят чай и готовят себе пищу, в зимнее же время у них нет иного топлива»³⁶. К тому же доставка угля составляла источник дохода для кочевого киргизского населения.

Проблема появилась тогда, когда русская администрация, озабоченная хищнической вырубкой саксаула, запретила его вывоз. Исчезновение саксаула приводило в движение пески, в свою очередь заносившие «культурную местность». В переговорах с членом бухарского правительства Инаком Чарыков предложил рекомендовать местному населению использование угля из других древесных пород, растущих не в песках. Инак заметил на это, что «деревьев в оазисе мало и их вырубка может привести к засухе»³⁷. Ситуация сделалась весьма затруднительной.

Докладывая об этом туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху, Н.В. Чарыков заметил, что данное затруднение вызовет недовольство местного населения прежде всего против эмира, а не против русской власти. «Более того, его будут обвинять тем сильнее, что, пользуясь поддержкой русской власти, он не смог удовлетворить мелкой бытовой потребности «народа». Чарыков подчеркнул, что «давно замечено ...подобного рода мелкие бытовые вопросы и затруднения гораздо более способны производить впечатление на массу и волновать её, чем ...события политического характера»³⁸. Это обстоятельство было как бы на

руку российскому правительству, позволяя держать эмира «в узде». Однако вопрос осложнялся тем, что он, по словам Чарыкова, «совпадает с началом того переворота, который производит в быте населения Бухары проведение железной дороги и при котором, хотя большинство выигрывает, но многие, хотя и временно, страдают и несут потери»³⁹. В связи с этим российский политический агент предложил отложить хотя бы на год запрещение на вырубку саксаула, а тем временем постепенно «приучить бухарцев к другому угляю», а на прежний вид установить допустимые квоты⁴⁰.

В конце 1888 г. Чарыков вновь обратился к устройству почтового тракта. По его мнению, устройство такового по берегу Амударьи сопряжено с гораздо большими трудностями, чем устройство тракта по уже ранее упомянутому им маршруту: Бухара – Ката – Курган. В последнем случае он отмечает наличие арбяной дороги, доступной для колёсного движения, а по берегу, «покрытому песками», такой нет. Устройство же её по берегу повлекло бы, по его мнению, значительные затраты, которых, как видно, можно было избежать. Кроме того, такая дорога (вдоль берега) соответствовала бы торговым интересам России и Хивы, но не Бухары. Между тем налог на строительство почтового тракта должен был быть собран в Бухаре путём дополнительного обременения повинностями местного населения. А это, по словам Чарыкова, «не соответствовало бы местным русским нравственным интересам»⁴¹.

Сам Чарыков считал необходимым воспользоваться не берегом реки, а самой рекой – «для устройства почтового сообщения между пунктами, расположенными по Амударье». «Для торговых... и политических интересов наших в бассейне Амударьи и Северного Афганистана правильное пароходное сообщение по Амударье принесло бы значительно больше пользы, чем сухопутный почтовый тракт»⁴² – к такому окончательному выводу, имевшему стратегическое значение, пришел он.

Таким образом, на примере дипломатической деятельности Н.В. Чарыкова прослеживаются дальновидные методы колонизации Средней Азии. Было достигнуто немало выгод – была налажена взаимовыгодная торговля, в том числе и безопасный транзит через эти, ранее беспокойные земли. А главное – Россия получила прочный форпост и даже потенциальный плацдарм в борьбе с притязаниями Британской империи.

Н.В. Чарыков руководствовался в своей работе девизом «кон... ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит», взятому из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»⁴³. Думается, что его деятельность полностью соответствовала данному девизу. Впоследствии Н.В. Чарыков ещё не раз обращался к среднеазиатской проблематике, но всегда следовал своим ранее установленным взглядам.

Примечания

- 1 *Tcharykow N.V.* Glimpses of High Politicks. London, 1931. P. 159.
- 2 *Ibid.* P. 160.
- 3 Подробнее см.: *Чернов О. А.* Из истории присоединения Мерва к России // Исторические исследования. Самара, 2004. Вып. 5. С. 5–8.
- 4 Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 39.
- 5 Там же. Л. 6.
- 6 Там же. Л. 7.
- 7 Там же. Л. 10.
- 8 Там же. Л. 11.
- 9 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 196.
- 10 *Ibid.* P. 218.
- 11 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.
- 12 Там же. Л. 38.
- 13 Там же. Л. 41.
- 14 Там же. Л. 42.
- 15 Там же. Л. 43.
- 16 *Матвеева И.В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917). М., 1990.
- 17 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
- 18 *Чарыков Н.В.* Записка о местных путях сообщений, подлежащих улучшению в интересах развития русской торговли в Бухарских владениях // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СГТТСМА). 1884. Вып. 13. С. 182.
- 19 Там же. С. 182.
- 20 Там же. С. 183.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 184.
- 23 Там же. С. 186.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 187.
- 26 Там же. С. 188.
- 27 Там же. С. 189.
- 28 Там же. С. 190.
- 29 Там же. С. 192.
- 30 Там же. С. 192.
- 31 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 190.
- 32 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1702. Л. 14.
- 33 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 195.
- 34 АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 536. Л. 7; *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 194.
- 35 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 219–220.
- 36 АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 536. Л. 10.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Л. 11 об.
- 39 Там же. Л. 12.
- 40 Там же. Л. 12 об.
- 41 Там же. Л. 17.
- 42 Там же. Л. 18.
- 43 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.